

Научная статья
УДК 821.161
doi: 10.17223/24099554/23/15

Жизнь как приключение: восприятие других культур в автобиографической прозе В.Л. Андреевой

Роман Леонидович Красильников

Независимый исследователь, Москва, Россия, krasilnikov.rl@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблемам культурной адаптации, отраженным в автобиографической прозе Веры Андреевой, дочери писателя Леонида Андреева. В связи с эмиграцией семьи автор воспоминаний побывала в Финляндии, Германии, Италии, Чехословакии и Франции. В данном исследовании рассматриваются такие проблемы межкультурной коммуникации, как опосредованные и непосредственные контакты, восприятие инокультурной повседневности, чужих языков, стереотипов, культурный шок, формирование межкультурно компетентной личности.

Ключевые слова: русская эмиграция, автобиографическая проза, В.Л. Андреева, межкультурная коммуникация, культурная адаптация

Для цитирования: Красильников Р.Л. Жизнь как приключение: восприятие других культур в автобиографической прозе В.Л. Андреевой // Имагология и компаративистика. 2025. № 23. С. 312–329. doi: 10.17223/24099554/23/15

Original article
doi: 10.17223/24099554/23/15

Life as an adventure: Perception of other cultures in the autobiographical prose by Vera Andreeva

Roman L. Krasilnikov

Independent researcher, Moscow, Russian Federation, krasilnikov.rl@gmail.com

Abstract. The article discusses the problems of cultural adaptation reflected in the autobiographical prose by Vera Andreeva, the daughter of the writer

Leonid Andreev. The material for the study was her books *The House on the Black River* (1974) and *Echo of the Past* (1986). In connection with the emigration of the family, the writer visited Finland, Germany, Italy, Czechoslovakia, and France. *The House on the Black River* describes Andreeva's childhood memories, including indirect contacts with other cultures through reading, education, foreign language learning, as well as a direct encounter with Finnish culture, which began to identify itself after Finland declared its independence in 1917. In the book *Echo of the Past*, the Andreev family first emigrates to Germany in 1920, which leaves mostly negative impressions on the writer. Then they move to Italy, about which the author has mostly positive memories, despite the need to learn a new language. In connection with the announcement of a program to help Russian refugees in Czechoslovakia, the Andreevs settle in the suburbs of Prague, and Vera and her brothers study at a Russian gymnasium. At first the author's skeptical attitude towards the unfamiliar Czech culture and Czech language gives way to adaptation to the environment, although the writer practically never goes beyond the emigrant circle. Therefore, the family's subsequent move to France is perceived negatively, and Andreeva returns to Prague and finishes her studies at the gymnasium. The book ends with a description of the difficult life in Paris, the search for work and an unexpected encounter with yet another culture when she tries to enroll in a nursing school at the American Hospital. Characterizing Andreeva's "adventures" from the point of view of intercultural communication, one can note various manifestations of cultural shock – from the "honeymoon" and "crisis" to "adjustment" and adaptation. The severity of this process was influenced by such factors as Vera's young age, her gender, cheerful nature, good education, motivation for emigration, a small "cultural distance" between Russia and European countries, experience of interaction with foreign cultures, and conditions of stay in other countries. As a result, Andreeva, overcoming ethnocentrism, stereotypes, and prejudices, becomes an "experienced traveler", interculturally competent to a certain extent, a multicultural person who knows several languages and, as far as possible, has adapted to the challenges of emigration. Thus, an approach from the point of view of intercultural communication made it possible to consider Vera Andreeva's autobiographical prose as an important and interesting source not only for the history of twentieth-century culture (of the Russian diaspora and several European countries), but also for cultural adaptation and overcoming cultural shock. In the author's opinion, such an interdisciplinary perspective made it possible to better understand the social and psycho-emotional context within which these works were created.

Keywords: Russian emigration, autobiographical prose, Vera Andreeva, intercultural communication, cultural adaptation

For citation: Krasilnikov, R.L. (2025) Life as an adventure: Perception of other cultures in the autobiographical prose by Vera Andreeva. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 23. pp. 312–329. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/23/15

В связи с текущими социально-политическими процессами снова становится актуален опыт русской эмиграции XX в., ее миссия, география ее путей и центров, способы ее выживания в других странах. Особой информативностью в этом отношении, безусловно, отличаются автобиографические тексты русского зарубежья, сочетающие документальную фиксацию фактов и личностно-эмоциональное к ним отношение, содержащие в себе не только информацию о сохранении, развитии и трансляции отечественной культуры за рубежом, но и сведения о восприятии чужой среды, тесно связанном с различными стратегиями адаптации к ней. Обусловленный индивидуальной жизненной траекторией конкретного автора, стремящийся к «совпадению субъекта и объекта рассказывания», «балансирующий на грани художественности» [1. С. 10], – каждый подобный текст представляет собой уникальный источник, отражающий оригинальный набор межкультурных взаимодействий и человеческих реакций на них.

В данной работе мы обратимся к опыту восприятия других культур в автобиографической прозе Веры Леонидовны Андреевой (1910–1986), дочери известного русского писателя Серебряного века Леонида Николаевича Андреева и его второй жены Анны Ильиничны (урожденной Денисевич). После революции 1917 г. их дом оказался за пределами Советского государства – на территории независимой Финляндии. После смерти Л.Н. Андреева Анна Ильинична с детьми (Саввой, Верой и Валентином) переехала вначале в Германию, потом в Италию, Чехословакию и, наконец, во Францию. Через некоторое время, закончив русскую гимназию в Праге и филологический факультет Сорбонны, Вера Леонидовна приняла решение жить самостоятельно и снова уехала в Чехословакию, где в 1936 г. вышла замуж за эмигранта Григория Семеновича Рыжкова и родила троих детей. В 1960 г. дочь Андреева вместе с семьей вернулась на родину и прожила в Советском Союзе (вначале в Орле, а потом в Москве) вплоть до самой своей смерти в 1986 г. [2. С. 365–366].

Материалами для нашего исследования стали две книги воспоминаний Андреевой. Первая – повесть «Дом на Черной речке» выходила отдельным изданием в 1974 и 1980 гг. [3, 4]. Она посвящена событиям, происходившим с 1918 по 1920 г., в том числе смерти отца. В 1986 г. повесть была опубликована в составе сборника, название которому дал роман «Эхо прошедшего», являющийся продолжением автобиографии писательницы [5]. В нем повествуется о событиях от отъезда из Финляндии в 1920 г. до середины 1920-х гг., когда Андреева решила в очередной раз переехать в Чехословакию, чтобы закончить гимназию, несмотря на то что теперь ей пришлось жить одной.

Как известно, восприятие других культур может осуществляться через непосредственные или опосредованные контакты с ними [6. С. 113]. Поскольку Андреева родилась на территории Российской империи и провела свое детство в русскоязычной среде, то вначале обратимся к опосредованному взаимодействию с иностранной культурой. Его описание мы находим прежде всего в книге «Дом на Черной речке», где повествуется о периоде 1918–1920-х гг., когда семья Леонида Андреева жила на финских территориях, какое-то время по инерции сохранявших, несмотря на провозглашенную в 1917 г. независимость, тесную связь с Россией из-за большого количества вынужденных эмигрантов.

В семье Леонида Андреева, достаточно богатого и, несомненно, образованного человека, создавалась среда, благоприятная для изучения других культур. Важным опосредованным контактом с ними было детское чтение. Андреева увлеченно рассказывает о своих впечатлениях от книг Дж. Лондона, Ж. Верна, Т.М. Рида, Дж.Ф. Купера, А. Дюма, Э. Сетона-Томпсона, Л. Буссенара и других зарубежных писателей¹ [С. 18–22]. Прочитанные произведения влияли на психоэмоциональное развитие детей, давали им знания по мировой мифологии, истории, географии и другим предметам. Например, примечателен такой эпизод: «Лежишь, бывало, на животе и читаешь Буссенара. После нескольких часов чтения о необыкновенных приключениях парижского мальчика Фрикэ в африканских дебрях у меня начинало мутиться в голове – что бы предпринять?» [С. 22]. Или: «Там была книжка с красивой обложкой – бушующий океан, пальмы. Бернарден

¹ Здесь и далее текст цитируется по изданию [5].

де Сент-Пьер – “Павел и Виргиния”. Само повествование было мне не понятно описанием чувств не совсем братских, которые питал Павел к своей сестре Виргинии, – и недаром, потому что в конце она оказалась вовсе не сестрой ему, и роман кончается свадьбой, – на мой взгляд, совершенно неинтересно. Запомнилась только роскошная природа какого-то тропического острова и замечательное описание бури, когда Павел спасает Виргинию с тонущего корабля» [С. 22].

В образование детей Андреевых входило также изучение иностранного языка – немецкого, в том числе общение с носителем языка и заучивание стихотворений: «у нас появилась учительница-немка, которая изрядно научила нас немецкому языку. У нас были толстые тетради, в которые мы записывали немецкие стихи, – что-то страшное, сколько мы с Тином вызубривали стихов! – Гейне, Гёте, Шиллера» [С. 99].

Кроме словесности, знакомство с чужими культурами происходило и через другие виды искусства. Леонид Андреев увлекался творчеством Микеланджело, Ф. Гойи (копировал картины испанского художника) [С. 26], занимался цветной фотографией, выписывая заграничную аппаратуру [С. 25], заказал себе дом в скандинавском стиле [С. 23]; мать Веры Анна Ильинична исполняла произведения Л. ван Бетховена и Ф. Шопена [С. 47]; в доме звучали итальянские оперы и романсы [С. 27]; будущей писательнице запомнился поход на американский фильм «Тарзан от обезьян» [С. 95].

Быт семьи Андреевых был наполнен иностранными предметами: это и норвежские, финские, швейцарские сани [С. 10], и американская пишущая машинка «Ремингтон» [С. 16], и духи «Шанель № 5» [С. 92]. Вера Леонидовна вспоминает о любви своего отца к путешествиям – по Европе, в том числе по Италии [С. 28], на яхтах «Далекий» и «Савва» по финским шхерам [С. 34].

Безусловно, поэтому проза Андреевой наполнена отсылками, свидетельствующими о мировой культуре как органичном компоненте авторского мировоззрения. Писательница называет бородку отца «вандейковской» [С. 26], сравнивает его ранний портрет с наполеоновским [С. 40], поведение брата Саввы – с эпохой Генриха Восьмого [С. 28].

В книге «Дом на Черной речке» можно встретить также конфликтные ситуации, связанные с межкультурным взаимодействием. Например, это история о тете Наташе, жены дяди Всеволода, которая воспитывалась в обрусевшей немецкой семье и была вынуждена уйти из дома после знакомства с братом Леонида Андреева, поскольку перестала соответствовать немецким представлениям о высокой морали [С. 42–45]. Этот эпизод воспринимается Андреевыми как юмористический, но вместе с тем в нем нетрудно увидеть противопоставление русской и немецкой ментальности, выраженной в готовности одних нарушать общественные устои (удальство «отъявленного повесы и сорвиголовы Леньки Андреева», хитрость влюбленной Наташи), а других – не принимать подобное поведение (благонравная немецкая семья, неспособность понять «падение» и «неблагодарность» воспитанницы).

Наконец, в «Доме на Черной речке» описывается первое непосредственное столкновение будущей писательницы с другой культурой – «вражда» с «финскими мальчишками»: «Однажды мы катались с очень удобной, хорошо накатанной горки, проходившей через “вражескую” деревню. Когда мы в очередной раз взобрались наверх и уже усаживались на санки, внизу неожиданно появилась шайка финских мальчишек, вооруженных до зубов кольями, выдернутыми, видимо, из своих же “финских” заборов. С угрожающими криками, среди которых можно было различить и неизменное: сатана, пергола, юмалаута! – они двинулись наверх, не оставляя ни малейшего сомнения в своих намерениях» [С. 13].

Конфликт описан как веселое приключение и не имел какого бы то ни было продолжения, однако после смерти и похорон Леонида Андреева мать Веры приняла решение увезти семью в Германию. Анна Ильинична не хотела отдавать своих детей в финские школы и планировала поправить свое финансовое положение за счет издания и театральных постановок произведений мужа на немецком языке [С. 109]. Кроме того, из других источников известно о неприязненном отношении финнов к русским эмигрантам из-за вооруженного конфликта между странами [7. С. 34]. Возвращение в Россию семьи писателя, открыто выступавшего против большевиков и призывавшего западные страны свергнуть советскую власть, даже не рассматривалось.

Вначале Анна Ильинична взяла с собой только старшего сына Савву. Ранее он, любимый избалованный ребенок, уже бывавший за границей вместе с родителями, не упускал случая продемонстрировать «превосходство европейца над неотесанными дикарями», выражавшееся в стремлении командовать младшими и, к удивлению и ужасу детей, в издевательствах над животными [С. 29]. И хоть детские причуды и капризы остались в прошлом, он по-прежнему старается произвести впечатление на Веру и ее брата Валентина: «Саввкины письма были полны описаний громадного города, его парков, “унтергрунда” (метро), шумных улиц» [С. 127]. Младшие начинают «проигрывать» предстоящее путешествие в мыслях, в том числе и встречу с чужой культурой: «Мы с Тином уже ни о чем другом не можем думать, мы считаем дни, мы всей душой уже там, в поезде, и – подумать только! – на пароходе! Так как мы едем сначала поездом до Выборга, потом пересаживаемся в другой поезд, который ночью выезжает в Гельсингфорс, а в Гельсингфорсе мы садимся на большой пароход “Рюген”, на который у нас куплены билеты первого класса, и два дня и три ночи плывем через все Балтийское море в Штеттин, где нас должна была встречать мама. Только представить себе такое путешествие!» [С. 132].

Это путешествие будет описано в следующей книге, а «Дом на Черной речке» завершается гораздо более поздним письмом Саввы, написанным после того, как он в 1936 г. в составе труппы русского балета съездил в турне по Скандинавии. Не без труда он добирается до родных мест в Финляндии, встречается с некоторыми не уехавшими по разным причинам знакомыми, посещает могилу отца и описывает весь сложный комплекс испытанных им чувств [С. 134–138]. И это тоже определенного рода межкультурное взаимодействие, опосредованное через Саввин текст, играющий роль финальной точки в книге (такой прием Андреева активно использует в своей прозе). Здесь находится место и отрывкам из финского языка («Виипури!», «Хювяпяйва!» и т.д.), и кратким характеристикам местных жителей (помогающих Савве, нередко говорящих по-русски, «милых», «честных», «простых»), и описанию ландшафта, который когда-то был практически родным, а теперь стал иностранным.

Таким образом, в «Доме на Черной речке» в основном повествуется об опосредованных контактах с другими культурами, связанных

с образовательными практиками. Вместе с тем происходит и первое непосредственное столкновение с инокультурной и иноязычной средой – финской, отличающейся характерным коммуникативным поведением [8. С. 41], но в силу ряда причин пока что не требующей адаптации к ней. Однако данный опыт межкультурного взаимодействия (в виде образовательных и коммуникативных практик), безусловно, сделал последующую эмиграцию менее болезненной, стал одним из указываемых исследователями факторов [6. С. 127] более «мягкого» культурного шока.

Следующая книга – «Эхо прошедшего», – как уже говорилось ранее, посвящена событиям от отъезда семьи Андреевых из Финляндии до середины 1920-х гг., когда Вера решила в очередной раз переехать в Чехословакию, теперь уже надолго, чтобы начать самостоятельную жизнь отдельно от матери. Поэтому проблемы межкультурного взаимодействия (адаптация к другим культурам и языкам, культурный шок, особенности национальных характеров и пр.) пронизывают данное произведение насквозь.

В силу семилетнего возраста и жизнерадостного характера (дополнительных значимых фактов «смягчения» культурного шока) все путешествие до Германии представлялось будущей писательнице как большое приключение. Ее впечатлили и отплытие парохода «Рюген» из Гельсингфорса, и заход корабля в Ревель, и прибытие в Штеттин, и поезд в Берлин. Практически сразу же при знакомстве с немецкой землей подтверждаются расхожие стереотипы о ней: «Все приглажено, прилизано, прямоугольные поля, срезанные как по нитке дороги, ровные ряды деревьев по их сторонам – расстояния между ними абсолютно одинаковы, как будто бы их измеряли циркулем. Полосатые шлагбаумы проворно опускаются при приближении нашего поезда на дорогу. Солнце весело светит на красные черепичные крыши, белые колоколенки костелов возвышаются посреди деревень, больше похожих на маленькие города. Все имеет игрушечный, кукольный вид» [С. 150]. Есть здесь и первые признаки культурного шока, объясненные интересным сравнением Германии и Финляндии: «В первый раз – тогда еще бессознательно – мне стало как-то душно, тесно, тоскливо. <...> моя дикарская душа, выросшая среди гранитов Финляндии, среди почти первобытной природы, бессознательно отвергла этот культурный пейзажик...» [С. 151].

В дальнейшем Вера с Валентином находят интересные места для прогулок, изучают окрестности, однако общее негативное впечатление от Берлина утверждается навсегда, несмотря на внешнюю ухоженность и обустроенность города: «Ужасный, холодный и мрачный Берлин! Тогда мы не сознавали этого конкретно – это сейчас я понимаю, как непривычно и неловко нам было...» [С. 155]. Возможно, подобное отношение обусловлено последующей страшной войной, после которой писались воспоминания, а возможно, тем, что семья Андреевых принадлежала к эмигрантским слоям, которые не планировали интегрироваться в местное сообщество, обладая относительной финансовой независимостью [9. С. 153].

Тем не менее детям приходилось привыкать к новым условиям: «И мы приспособлялись: говорили по-немецки, делали всякие покупки в магазинах, ездили в трамваях и в метро – совершенно одни, без провожатых» [С. 155]. Вероятно, в целях адаптации мать Веры купила дочке и два «дирдли-клайя» – наряда в местном национальном духе [С. 156].

Неприятие Германии не смягчает ни поступление в русскую гимназию, ни посещение достопримечательностей, ни даже поездка в курортный прибалтийский поселок Аальбек, славящийся своими угрями. Решение Анны Ильиничны увезти детей в Италию объясняется так: «Наверное, мама приняла решение уехать, потому что ей смертельно надоела Германия, вся какая-то холодная, чопорная, в то же время угрюмо-упрямая в своем стремлении подчинить своему знаменитому порядку весь мир» [С. 171]. Кроме того, писательница подробно, на нескольких страницах рассуждает о причинах своей нелюбви к этой стране: отсутствие вкуса в немецких виллах, украшениях садов, предметах интерьера (вышитых салфетках, панно над столом), однообразность квартир и их обстановки (спален со взбитыми перинами и полуобнаженными «мадоннами» над супружеским ложем, гостиных с угловыми диванами, газетам и фикусами) и т.д. [С. 171–174].

Из немецких городов только Мюнхен произвел на Андрееву хорошее впечатление, оставшись в памяти «ярким, веселым, каким-то праздничным» [С. 174]. Особенно будущей писательнице запомнился храм Фрауенкирхе.

В действительности, конечно, у отъезда Андреевых из Германии были другие причины. Первоначально Веймарская республика принимала своих недавних врагов – русских, которые выбирали для эмиграции Берлин как наиболее близкий европейский город со всемирно известной культурой и знакомым для многих языком (вспомним, что в семье Андреевых изучали немецкий). Кроме того, власть большевиков воспринималась многими как временная, и была надежда на скорое возвращение эмигрантов на родину. Однако увеличение количества беженцев и экономический кризис привели к понижению уровня жизни и к усилению ксенофобских настроений в Германии, отчего многие русские стали переезжать в другие страны [7. С. 61–63].

Анна Ильинична решила перевезти детей в Италию, так как там жила ее сестра Виктория Ильинична, тетя Толя, которая была замужем за полуитальянцем-полуфранцузом. Здесь Вера столкнулась с неизвестным для себя языком. Семья на время поселилась во Флоренции, и девочка, не способная объясниться с прохожими, заблудилась во время первой же самостоятельной прогулки [С. 182–183]. Но в целом, с ее точки зрения, в сравнении с немцами итальянцы явно выигрывали: «Нам нравились беспечные, веселые итальянцы – какой контраст с медлительными немцами, на которых мы достаточно насмотрелись в Берлине! До чего же нам надоела их чопорность и пресловутая любовь к порядку, их чистенькие трамваи, благовоспитанные детки, всегда умытые и тщательно причесанные. Здесь все было совсем другое, уютное и дружелюбное. Сами улицы были какими-то домашними, от широких плоских плит, которыми они были вымощены, веяло чем-то теплым, как будто бы их согрели тысячи ног прохожих, обутых кто во что горазд, иной раз просто в домашние тапочки и стоптанные сандалии» [С. 187]. Прогулки по Флоренции, по ее музеям, паркам, смотровым площадкам описываются автором в исключительно положительных тонах.

Конечной остановкой в Италии для семьи Андреевых был Рим, где жили тетя Толя, ее муж и дети. Несмотря на жизнь на окраине города, позитивное восприятие Верой Италии продолжилось. Андреева начала осваивать новый язык: «Очень скоро мы все совершенно свободно могли изъясняться по-итальянски. <...> Вопреки распространенному мнению, которое гласит, что итальянский язык очень мягок и нежен, певуч и музыкален, мы скоро убедились, что это суждение

неправильно: это твердый и мужественный язык, а что касается певучести и музыкальности, то они достигаются избытком сдвоенных гласных и обязательным окончанием всех слов тоже на какую-нибудь гласную» [С. 202–203].

Новые нюансы появляются в ее отношении к итальянцам, характер которых недолюбливал Саша Черный (по всей видимости, из-за неприятия фашизма), учивший в это время детей Андреевых: «Но мы совершенно не разделяли возмущения Саши Черного итальянским характером. Нам как раз очень нравилась беззаботность итальянцев, их восприимчивость ко всему красивому, искренность и непринужденность в проявлении чувств. И напрасно он утверждал, что итальянцы только и способны к легкомысленному веселью и сладкому ничегонеделанью, – мы убедились, что им свойственна и грусть, и глубокие размышления» [С. 205].

В воспоминаниях Андреевой еще немало наблюдений относительно итальянцев: это и традиции торговаться на рынке, и стереотипы о русских, и обмороженные руки местного теплолюбивого населения [С. 214–215], и скучная, несвободная жизнь итальянских девиц [С. 221] и т.д. Большое впечатление на Веру произвел интерес римлян к отцовским пьесам [С. 228–230], а также достопримечательности и музеи «вечного города» [С. 230–232], церемония посвящения папой римским одного из священников в кардиналы (на ней девочка оказалась вместе с принявшей католичество тетей Толей) [С. 232–234].

Вместе с тем, судя по другим источникам, Италия была не слишком комфортной страной для русских эмигрантов из-за экономической и политической нестабильности, неблагоприятного отношения властей [10. С. 10]. Под влиянием знакомых Анна Ильинична решила перевезти семью в Чехословакию, где была объявлена «русская акция», гуманитарная программа помощи беженцам из России [11. С. 34]. В частности, в Праге была открыта русская гимназия с бесплатным обучением [12. С. 250].

Это было еще одно путешествие-приключение, которое Вера, ее младший брат Валентин и старшая сводная сестра Нина совершили без взрослых, втроем. Не без происшествий, побывав во Флоренции, Венеции и Вене, посмотрев немало достопримечательностей, они добрались до пригорода Праги Вшеноры, до виллы «Боженка», где жила также семья писателя Е.Н. Чирикова и где, как известно, проходили

многочисленные встречи русских эмигрантов (описанные и в книге Андреевой).

Поначалу Чехословакия не впечатляет Веру: «Улицы, лишенные какой бы то ни было зелени, мостовые, черные от грязи, непросыхающие лужи от почти беспрерывно льющегося мелкого дождя, домишки серые, закопченные... Боже мой, какая разница с сияющим небом Италии, с ее веселыми, неунывающими жителями!» [С. 260]. Несколько раз автор описывает необычный местный язык, например: «Вообще чешский язык чем дальше, тем больше повергает меня в смущение своими, на мой взгляд, совершенно лишними придаточными словами. По-русски, например, коротко и ясно говорится – я шел, а чехи чего-то прибавляют – шел йсем. Без “я” и с этим непонятным йсем. Причем иногда говорится йсем, а иногда йсме, но бывают случаи, когда этих слов не говорят вовсе. “Когда, почему, зачем?” – ломала я себе напрасно голову. Так же долго я не могла научиться произносить чешское “х” с придыханием, наподобие украинского “г”, в то время как чешская речь, казалось, вся состояла из придыханий и этих йсем, йсте, без которых она почему-то никак не могла обойтись. Кроме того, стоило поставить не то ударение или слишком мягко выговорить “е”, скажем, в том же “хлеб”, как любой чех впадал в оцепенение и ровно ничего не понимал» [С. 267].

В этой части книги внимание Андреевой гораздо больше сконцентрировано на учебе в русской гимназии и на взаимоотношениях с другими эмигрантами (сверстниками и сверстницами, Чириковыми, М.И. Цветаевой и ее дочерью Алей), чем на проблемах межкультурного общения и местных достопримечательностях. Однако Чехословакия в итоге станет для Веры вторым домом, и эта любовь проявляется во время отъезда из страны: «Мелькала за окном живописная земля Чехословакии – железная дорога долго тянется вдоль течения реки Влтавы: тут и скалы, и пороги, и зеленые луга... “Земным раем, родина моя, ты предстаешь передо мной”, – слова чехословацкого гимна очень точно выражали красоту земли» [С. 289].

В 1924 г. Анна Ильинична вместе с М.И. Цветаевой переехала в Париж, чтобы Савва закончил там русскую гимназию и поступил в Академию изящных искусств. Через какое-то время во Францию отправились и Вера с Валентином. Париж впечатлил их своими улицами и зданиями [С. 291–292], но возникла необходимость учить еще один

язык, плохое знание которого привело к тому, что все трое были оставлены в гимназии на второй год [С. 297]. Из этого французского периода жизни Андреевой хорошо запомнилось время, проведенное с семьей М.И. Цветаевой в рыбацьем городке Сен-Жиль-сюр-Ви, на берегу Атлантического океана. В отличие от отдыхающих местные жители не купались, один из рыбаков объяснил почему: «Мы не шутим таких шуток с морем. Оно нас кормит, но оно нас и хоронит. Море слишком велико и могуче, оно не позволяет легкомысленно, без уважения относиться к нему. Оно строго и требовательно, но оно и справедливо. Мы любим море и уважаем его» [С. 304].

Из-за неудачи в парижской гимназии Андреева захотела вернуться в Прагу, в «знакомую, такую родную и милую гимназию» [С. 306]. С помощью С.Я. Эфрона уже 16-летняя девушка договорилась с матерью об отъезде. В Чехословакию она отправляется «страшно счастливая», чешский язык теперь звучит «райской музыкой» [С. 310]. И снова для нее на первый план выходят друзья и учеба в гимназии, вечера и праздники в кругу русской диаспоры, влюбленность. Периодически Вера навещает семью во Франции, чувствуя себя уже «опытной путешественницей» [С. 318].

Жизнь в Чехословакии была и радостной, и трудной. Особенно тяжело Андреевой пришлось в холодную зиму 1927–1928 гг., во время исключительных для здешних мест морозов в 25–30 градусов [С. 333]. Кроме того, она подробно описывает выпускные экзамены, в том числе по чешскому языку. Теперь гимназия кажется «опостылевшей», и Вера мечтает о «взрослой жизни» в Париже [С. 339].

Во Франции Андреева долго безуспешно искала себе работу. В итоге она решила поступить в школу сестер милосердия при Американском госпитале. И этот эпизод тоже примечателен с точки зрения межкультурного взаимодействия. Вере пришлось учить еще один иностранный язык. Первая попытка устроиться в школу закончилась неудачей из-за плохого знания английского. По всей видимости, навыки изучения иностранных языков не прошли даром, и с помощью знакомой англичанки, мисс Пэгг, Андреева смогла за месяц освоить английский на таком уровне, что ее приняли в госпиталь [С. 360]. Из-за сокращения персонала Вере не удалось задержаться на этом месте, однако она приобрела несколько американских подруг и представление о них: «я убедилась, что американки очень милы и общительны,

с великодушным, широким сердцем, чем напоминают русских» [С. 367]. Примечательно, что схожим образом (вновь не без некоторой стереотипизации) она характеризует и профессора А. Кауна из Калифорнийского университета, который дал ей рекомендательное письмо: «Он писал диссертацию о моем отце и не раз приезжал в Париж на встречу с моей мамой: румяный и седой, как все пожилые американцы, он был весел и очень жизнерадостен – тоже, как большинство американцев» [С. 356].

Далее в книге на первом плане оказывается скорее социальное, чем межкультурное. Как и многие другие русские эмигранты в Париже, где «безнадежное отчаяние и нищета» соседствуют с «атмосферой непрерывного праздника» [13. С. 101], Андреева берется за любую работу (массажистки, уборщицы, «прислуги за все», сиделки) и посещает различные танцевальные вечера, в основном устраиваемые соотечественниками. Межкультурная проблематика уходит из поля зрения, поскольку адаптация практически завершилась.

За пределами текста оказываются другие жизненные коллизии Андреевой-эмигрантки: очередной переезд в Чехословакию, где она выйдет замуж, потрясения Второй мировой войны, наконец, возвращение в Россию-СССР, вызывавшее, как правило, «обратный» культурный шок.

Таким образом, «Эхо прошедшего» отражает основную историю эмиграции и адаптации Андреевой к различным культурам (во многом типичную для русского зарубежья). Естественно, вначале каждая новая среда вызвала у автора культурный шок, по меньшей мере психологический дискомфорт от столкновения с непривычной инोकультурной повседневностью [14. Р. 142]. В частности, это подтверждается постоянными ностальгическими размышлениями писательницы, посвященными, правда, не столько России вообще, сколько дому на Черной речке, в котором прошло детство Веры и который теперь располагался на территории Финляндии, например: «На мгновение резкая тоска... Раухаранта, дом на Черной речке. <...> Царапая и раня острыми углами, накопала в сердце неизлечимая, черная горечь» [С. 158].

В книге можно наблюдать известные пять фаз культурного шока, которые условно можно назвать «медовый месяц», «ухудшение»,

«кризис», «улучшение», «привыкание» [15. Р. 3] и которые проявились по-разному в зависимости от условий проживания и отношения писательницы к стране. Германия и ее жители оставили негативное впечатление, отразившееся в констатировании расхожих стереотипов и предрассудков. Италия и итальянцы, несмотря на непростое начало знакомства с ними, оказались близки Вере своим богатым культурным наследием, оптимизмом и жизнелюбием. Чехословакия, благодаря программе помощи русским эмигрантам, стала местом формирования межличностных отношений и в конце концов вторым домом для Андреевой. Франция запомнилась сложными социальными обстоятельствами и общением с известными соотечественниками.

На адаптацию автора к другим культурам повлияли различные факторы, известные специалистам в этой области [6. С. 126–128]. Прежде всего, культурный шок был более «мягким» благодаря юному возрасту Веры. Пол, вероятно, сыграл двойственную роль: с одной стороны, адаптация осложнялась очень ограниченным кругом женских профессий в 1920-е гг., с другой – Андреева проявила и гибкость, и активность в процессе социализации (впрочем, недостаточную с точки зрения матери [С. 374]). Как уже говорилось ранее, хорошее образование Веры усиливало ее адаптивные способности. Немаловажную роль в привыкании к новой среде сыграли и личностные особенности автора: оптимизм, открытость к новому, интерес к другим культурам и людям, отношение к жизни как к приключению. Безусловно, у семьи Андреевых была и сильная мотивация к эмиграции, поскольку возвращение в Россию, как уже отмечалось выше, было для них опасным.

Если говорить об объективных факторах, влияющих на культурный шок, то его «ослаблению» способствовала небольшая «культурная дистанция» между Россией и европейскими странами. Через опосредованные контакты Вера уже имела представление о большинстве встретившихся ей культур: в большей степени о широко известных – немецкой, французской, итальянской, в меньшей – о только заявивших о себе – финской и чехословацкой. При этом «принимающие» страны после Первой мировой войны в целом испытывали экономические проблемы, не были заинтересованы в мигрантах, не создавали для них каких бы то ни было условий (за исключением «Русской ак-

ции» в Чехословакии), а зачастую и препятствовали притоку беженцев. Германия, Италия, Франция, Финляндия стремились в это время к гомогенности населения, повсеместно усиливались националистические движения и представления, что не способствовало интеграции приезжих. Впрочем, русские, также считавшие себя представителями «великой державы», тоже не стремились к полноценному вхождению в другие культуры, формируя сепарированные сообщества.

Поэтому в восприятии Андреевой инокультурной среды наблюдаются в первую очередь признаки этноцентризма [16. Р. 181–182]. Автор объясняет отъезд из Германии с помощью стереотипов и предрассудков, она поначалу не в силах преодолеть критическую фазу адаптации во Франции и сбегает в комфортную для нее русскую диаспору в Чехословакии. Вместе с тем постепенно Вера осознает необходимость взаимодействия с инокультурной средой, прежде всего с помощью изучения языка, и чувствует себя гораздо лучше и увереннее. В финале воспоминаний в «опытной путешественнице» можно увидеть признаки межкультурно компетентной, мультикультурной личности [17. С. 236].

В заключение отметим, что подход с точки зрения межкультурной коммуникации позволил рассмотреть автобиографическую прозу В.Л. Андреевой как важный и интересный источник не только по истории культуры XX в. (русского зарубежья и нескольких европейских стран), но и по культурной адаптации и преодолению культурного шока. На наш взгляд, подобный междисциплинарный ракурс дал возможность лучше понять социальный и психоэмоциональный контекст, внутри которого создавались указанные произведения.

Список источников

1. Поэтика: словарь актуальных понятий и терминов. М. : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
2. Кен Л.Н., Рогов Л.Э. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб. : Издательско-полиграфическая компания КОСТА, 2010. 432 с.
3. Андреева В.Л. Дом на Черной речке. М. : Советский писатель, 1974. 199 с.
4. Андреева В.Л. Дом на Черной речке. М. : Советский писатель, 1980. 183 с.
5. Андреева В.Л. Эхо прошедшего. М. : Советский писатель, 1986. 384 с.

6. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. М. : Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. 288 с.
7. Котельников К.Д. Русский Берлин 1919–1933: проблемы и механизмы адаптации русской эмиграции в Германии. М. : ДПК-Пресс, 2022. 238 с.
8. Стернин И.Ю. Финны в восприятии русских (экспериментальное исследование стереотипов восприятия) // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. Вып. 1. С. 37–41.
9. Шлёгел К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945). М. : Новое литературное обозрение, 2004. 632 с.
10. Русское присутствие в Италии в первой половине XX века : энциклопедия. М. : Политическая энциклопедия, 2019. 863 с.
11. Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» // Славяноведение. 1993. № 4. С. 28–39.
12. Стрельцов А.А. Гимназии русского зарубежья // Вопросы образования. 2006. № 2. С. 248–264.
13. Менегальдо Е. Русские в Париже. 1919–1939. М. : Наталья Попова; Кстати, 2007. 287 с.
14. Oberg K. Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments (Reprint) // Curare. 2006. Vol. 29, № 2/3. P. 142–146.
15. Pedersen P. The Five Stages of Culture Shock: Critical Incidents around the World. Westport, Conn. London : Greenwood Press, 1995. 281 p.
16. Bennett M. A Developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity // International Journal of Intercultural Relations. 1986. Vol. 10, № 2. P. 179–196.
17. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.

References

1. Tamarchenko, N.D. (ed.) (2008) *Poetika: slovar' aktual'nykh poniatii i terminov* [Poetics: Dictionary of current concepts and terms]. Moscow: Izdatel'stvo Kulagini; Intrada.
2. Ken, L.N & Rogov, L.E. (2010) *Zhizn' Leonida Andreeva, rasskazannaya im samim i ego sovremennikami* [The life of Leonid Andreev, told by himself and his contemporaries]. St. Petersburg: OOO "Izdatel'sko-poligraficheskaya kompaniya KOSTA".
3. Andreeva, V.L. (1974) *Dom na Chernoy rechke* [The house on the Black River]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
4. Andreeva, V.L. (1980) *Dom na Chernoy rechke* [The house on the Black River]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
5. Andreeva, V.L. (1986). *Ekho proshedshego* [Echo of the past]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
6. Sadokhin, A.P. (2004) *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Intercultural communication]. Moscow: Al'fa-M; INFRA-M.

7. Kotel'nikov, K.D. (2022) *Russkii Berlin 1919–1933: problemy i mekhanizmy adaptatsii russkoy emigratsii v Germanii* [Russian Berlin 1919–1933: Problems and mechanisms of adaptation of Russian emigration in Germany]. Moscow: DPK-Press.

8. Sternin, I.Yu. (2000) Finny v vospriiatii russkikh (eksperimental'noe issledovanie stereotipov vospriyatiya) [Finns in the perception of Russians (experimental study of perception stereotypes)]. In: *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Finnish communicative behavior]. Vol. 1. Voronezh: VSTU. pp. 37–41.

9. Shlegel', K. (2004) *Berlin, Vostochnyy vokzal. Russkaya emigratsiya v Germanii mezhdu dvumya voinami (1918–1945)* [Berlin, Ostbahnhof. Russian emigration in Germany between the two wars (1918–1945)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

10. D'Amelia, A. & Rizzi, D. (2019) *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoy polovine XX veka: entsiklopediya* [Russian presence in Italy in the first half of the 20th century: encyclopedia]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.

11. Sladek, Z. (1993) Russkaya emigratsiya v Chekhoslovakii: razvitie “russkoy aktsii” [Russian emigration in Czechoslovakia: development of the “Russian action”]. *Slavianovedenie*, 4, 28–39.

12. Strel'tsov, A.A. (2006) Gimnazii russkogo zarubezh'ya [Gymnasiums of the Russian diaspora]. *Voprosy obrazovaniia*. 2. pp. 248–264.

13. Menegal'do, E. (2007) *Russkie v Parizhe. 1919–1939* [Russians in Paris. 1919–1939]. Moscow: Natal'ya Popova; Kstati.

14. Oberg, K. (2006) Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments (Reprint). *Curare*. 29 (2/3). pp. 142–146.

15. Pedersen, P. (1995) *The Five Stages of Culture Shock: Critical Incidents around the World*. Westport, Conn.; London: Greenwood Press.

16. Bennett, M. (1986) A Developmental Approach to Training for Intercultural Sensitivity. *International Journal of Intercultural Relations*. 10 (2). pp. 179–196.

17. Grushevitskaya, T.G., Popkov, V.D. & Sadokhin, A.P. (2003) *Osnovy mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Fundamentals of intercultural communication]. Moscow: YuNITI-DANA.

Информация об авторе:

Красильников Р.Л. — д-р филол. наук, независимый исследователь (Москва, Россия). E-mail: krasilnikov.rl@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.L. Krasilnikov, Dr. Sci. (Philology), independent researcher (Moscow, Russian Federation). E-mail: krasilnikov.rl@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 02.02.2025.

The article was accepted for publication 02.02.2025.